

Когда до прибытия свиты Цзи Ло в Сицзян оставалось еще пять дней, передовые вестники уже доставили известие о его скором приезде. Для встречи наследника престола, будущего владыки Великой Чжоу, по всем правилам требовался куда более высокий прием, нежели тот, что готовили для Хан Сиэня и его спутников.

Великий генерал Лю Хучэн во главе всех мало-мальски значимых офицеров Сицзянской армии отправился встречать его за десять ли от городских ворот Тяньмэня. Пятого принца, Цзи Хуая, среди встречающих не оказалось. Разумеется, если бы прежнего генерал-губернатора Сицзяна не лишили должности, тот непременно возглавил бы процессию, однако Хан Сиэнь уже успел отправить опального чиновника под конвоем в столицу.

При одной мысли о Хан Сиэне у Лю Хучэна начинала раскалываться голова. По всем правилам приличия и маркиз, и пятый принц должны были присутствовать на церемонии, однако оба сослались на внезапный недуг. Сказалась ли на них настоящая хворь или обычное упрямство — поди разберись. Лю Хучэну оставалось лишь уповать на то, что наследник престола Цзи Ло окажется столь же великодушным и снисходительным, каким казался прежде, и не станет цепляться к подобной мелочи.

Пока в голове великого генерала роились эти тревожные мысли, на горизонте показалась пыль от копыт. Вскоре вдали выросла величественная кавалькада во главе с Цзи Ло, медленно приближавшаяся к встречающим. Лю Хучэн подобрался, лицо его приняло строгое, торжественное выражение. Загнав тревогу поглубже, он замер в ожидании встречи.

Время — удивительный лекарь: в его неспешном течении даже самое томительное ожидание рано или поздно подходит к концу.

Когда пышно украшенные экипажи и всадники наконец поравнялись со встречающими, Лю Хучэн вместе с подчиненными склонился в глубоком, почтительном поклоне. Цзи Ло спешился, сделал два быстрых шага вперед и подхватил великого генерала под локти, не давая опуститься на колени.

— Генерал Лю, полно вам, поднимитесь, — с мягкой улыбкой проговорил он.

Лю Хучэн послушно выпрямился, выражая на лице глубокую признательность за столь высокое снисхождение.

Цзи Ло рассеянно кивнул и скользнул взглядом по рядам собравшихся офицеров. Его взор ненадолго задержался на генерале Бай Вэньхане, но тут же безразлично двинулся дальше. Не обнаружив среди встречающих ни Хан Сиэня, ни своего единокровного брата Цзи Хуая, наследник приподнял бровь. Впрочем, характер Хан Сиэня он знал хорошо: этот человек всегда бежал от лишней суеты. На фоне тех безумных слухов, что кружили вокруг него в последнее время, его нежелание лезть в толпу выглядело вполне естественным.

А вот отсутствие Цзи Хуая действительно вызывало удивление.

«Должно быть, предчувствует свою участь и просто не желает смотреть мне в глаза», — мысленно усмехнулся Цзи Ло.

Сквозь полуопущенные веки Лю Хучэн внимательно следил за лицом наследника. Заметив секундное замешательство Цзи Ло, он торопливо шагнул вперед и доложил:

— Ваше Высочество, пятый принц и наследник Хань в последние дни занемогли от жестокой простуды. Сейчас они восстанавливают силы в покоях и, к величайшему сожалению, не смогли лично явиться к вашему прибытию.

Цзи Ло негромко усмехнулся.

— У нашего наследника Хань с самого детства здоровье слабое. Ему и впрямь не стоит лишний раз выходить на холодный ветер, пусть бережет себя.

Лю Хучэн так и не понял, прозвучало ли это искренне или наследник просто помог Хан Сиэню сохранить лицо. Генералу оставалось лишь выдавить из себя вежливый смешок. О том, что Цзи Ло демонстративно проигнорировал упоминание о пятом принце, великий генерал благоразумно умолчал.

Огромная кавалькада двинулась в сторону Заставы Небесных Врат. пышно расшитые знамена с шумом хлопали на степном ветру. Воины шли ровным, чеканным шагом. В пути не раздавалось ни единого лишнего звука — лишь мерный стук копыт да редкое фырканье коней нарушали тяжелое молчание. Дисциплина в армии Сицзяна была безупречной.

Лю Хучэн отвел для высокого гостя роскошную усадьбу в самом центре Тяньмэня, однако Цзи Ло лишь мягко отказался:

— В этом нет нужды. Я остановлюсь в тех же покоях, что и наследник Хань. Нам есть что обсудить.

Возразить на это Лю Хучэну было нечего. Подавив вздох, он повел свиту к дому, где расположился Хан Сиэнь.

Едва переступив порог резиденции, Цзи Ло преобразился. Действовал он быстро и беспощадно. Первым делом он зачитал императорский указ, согласно которому гвардии надлежало взять под плотную стражу двор пятого принца Цзи Хуая. До самого возвращения в столицу никому не позволялось приближаться к нему или передавать весточки. Следом наследник огласил высочайшее повеление касательно заместителя командующего Чжоу Жаня: Лю Хучэну приказывалось немедленно заключить предателя под стражу, дабы доставить его в столицу для личного императорского суда.

Пока Цзи Ло со всей решимостью наводил здесь свои порядки, Хан Сиэнь безмятежно грелся

на солнышке в глубине своего тихого дворика. Рядом устроился Бай Шу, лениво водя кистью по бумаге. Доносившаяся из-за забора суматоха заставила Хан Сиэня недовольно поморщиться.

Поймав это мимолетное выражение, юноша быстро сделал несколько точных штрихов на свитке — и на бумаге тут же проступило капризное, исполненное холодного раздражения лицо наследника. Бай Шу тихонько фыркнул, залюбовавшись своей работой, и преданно посмотрел на Хан Сиэня. Услышав, что шаги за воротами приближаются, а голоса затихают, он торопливо свернул рисунок, унес его в дом и спрятал под подушку, пока незваные гости не успели ничего заметить.

Щурясь от яркого солнца, Цзи Ло вошел во внутренний дворик и замер. На бамбуковой кушетке полулежал юноша. Тень от раскидистого дерева скрывала половину его лица, но даже в полумраке его утонченные, точеные черты поражали благородной красотой. Поначалу Цзи Ло даже не связал этот пленительный облик с Хан Сиэнем — незнакомец лишь показался ему смутно, до боли знакомым.

Как наследник престола он повидал немало первых красавцев империи. Изяществом черт его было трудно удивить. Однако стоило подойти ближе, как иллюзия рассеялась. Взгляд Цзи Ло упал на эти глаза — холодные, глубокие, глядящие на мир с ледящим равнодушием. Цзи Ло оцепенел. В груди у него что-то оборвалось, уступая место безотчетной тревоге.

Он так и остался стоять посреди двора, потеряв дар речи. Сделав еще несколько неуверенных шагов, Цзи Ло вплотную приблизился к кушетке и всмотрелся в прекрасное лицо маркиза. Губы наследного принца беззвучно зашевелились, и лишь спустя долгое мгновение он сумел выдать:

— Хан Сиэнь?.. Это ты? Но... как ты стал таким?

Заметив неподдельное изумление на лице господина, Лю Хучэн и сопровождающие его офицеры переглянулись. Теперь у них не осталось сомнений: в столице действительно никто и никогда не видел истинного облика молодого наследника Хань.

По спине у них пробежал холодок от этой странной мысли. Если бы не эта поездка в Сицзян, тайна наследника поместья герцога Хань так и осталась бы погребенной за стенами его поместья.

Поняв, что между гостями намечается непростой разговор, Лю Хучэн поспешил откланяться, сославшись на неотложные дела в лагере, и увел за собой охрану.

Когда во дворе не осталось посторонних, Бай Шу молча принес для Цзи Ло плетеный стул, а сам привычно встал за плечом хозяина. Но наследник даже не взглянул на сиденье. Нахмурившись, он продолжал пристально разглядывать лицо Сиэня. Странное, щемящее чувство дежавю захлестывало его все сильнее.

Когда императорский благородный супруг Ван Ин ушел из жизни, Цзи Ло был совсем ребенком. Несмотря на то что жизнь во дворе позволяла ему взрослеть быстрее обычных детей, за две прожитые жизни воспоминания об облике родителя почти стерлись. В памяти остался лишь образ удивительно мягкого, теплого человека. Однако теперь, глядя на безупречные черты Хан Сиэня и его ледяные глаза, Цзи Ло ощутил, как из глубин памяти медленно поднимается забытый образ покойного папы-супруга.

Та же алая родинка-киноварь между тонких бровей, оттеняющая неестественную белизну кожи, те же очертания губ... Вот только взгляд Ван Ина, хоть и строгий, всегда лучился мягким теплом, когда тот смотрел на сына. В нем не было и следа того абсолютного, мертвенного безучастия, с каким сейчас взирал на мир Хан Сиэнь.

И все же черты наследника пугающе точно накладывались на его полузабытые детские воспоминания.

— Внешность дается от рождения, к чему столько удивления? — равнодушно отозвался Хан Сиэнь, словно не замечая бури в душе собеседника. — Обывателям простиительно глазеть, но я не думал, что сам наследник престола столь легко теряет самообладание.

С трудом подавив волнение, Цзи Ло медленно опустился на стул. Вернув лицу привычную маску спокойствия, он усмехнулся:

— Мы не виделись всего несколько месяцев, а ты предстал предо мной с совершенно другим лицом. Пускай я наследник престола, но все же человек из плоти и крови. Как тут не изумиться?

«Пожалуй, к лучшему, что в столице никто не знал, как он выглядит на самом деле, — промелькнуло в голове Цзи Ло. — Иначе те грязные слухи, что поползли на границе, отравили бы ему жизнь еще в главном городе империи».

Случись подобное разоблачение при иных обстоятельствах, грязные подозрения навсегда легли бы на репутацию маркиза, и отмыться от них было бы невозможно. Сейчас же, по крайней мере, придворные чиновники безоговорочно примут сторону императора, оберегая величие короны.

При мысли о маниакальной «великой любви», которую его венценосный отец питал к покойному Ван Ину, Цзи Ло передернуло. Сходство Сиэня с ушедшим супругом казалось зловещим предзнаменованием.

— Послушай, Сиэнь, — полушутя-полусерьезно проговорил Цзи Ло, — ты ведь твердил государю, будто твое лицо непоправимо изуродовано снадобьями. А теперь... Глядя на тебя, я не могу отделаться от мыслей о моем папе-супруге. Не зря говорят, что племянники часто наследуют черты своих дядей по материнской линии. Мой державный отец боготворил Ван Ина. Боюсь, когда ты вернешься во дворец, император решит, будто пред ним предстал призрак из прошлого.

Цзи Ло искренне тревожился за юношу. Во-первых, ложь об уродстве перед лицом государя граничила с прямым оскорблением величия и каралась смертью. Во-вторых, пугающее сходство с Ван Ином могло пробудить в стареющем императоре нездоровые чувства. Наследник не решился сказать напрямую, что император может сделать из племянника живую куклу-замену, но надеялся, что проницательный наследник поймет его скрытое предостережение.

Хан Сизнь невозмутимо потянулся к фарфоровой пиале, сделал пару неторопливых глотков и проронил:

— Наш великий государь справедлив и мудр. Он не станет лишать меня головы из-за подобного пустяка.

Услышав злое упоминание плахи, Бай Шу насупился. Он сердито уставился на Хан Сизня, который столь беспечно разбрасывался подобными словами, и всем своим видом выказал крайнее недовольство.

Видя, что маркиз ничуть не напуган, Цзи Ло немного успокоился. Лишь теперь он перевел взгляд на юношу позади кушетки. Они не виделись долгих три года, но наследник сразу узнал его.

— Бай Шу, как поживаете вы с генералом Баем на этих рубежах? — дружелюбно спросил принц.

Тот скромно опустил ресницы.

— Благодарю за заботу, Ваше Высочество. Жаловаться не на что.

Почувствовав вежливую холодность юноши, Цзи Ло поспешил сменить тему. Снова повернувшись к маркизу, он произнес:

— Твое пребывание на границе затянулось. Отец повелел тебе немедленно возвращаться в столицу. Что касается обвинений против заместителя командующего Чжоу Жаня и пятого принца... Пускай императорский указ не называет вещи своими именами, но за сговор с врагом, распускание грязных сплетен, подрыв боевого духа армии и хулу на престол им обоим несдобровать. Стоит нам вернуться, и петля затянется на их шеях.

Цзи Ло выразился мягко, но суть оставалась предельно ясной: если государь подтвердит вину в государственной измене, виновных ждет неминуемая смерть. И даже высокое происхождение не убережет Цзи Хуая — перед казнью его попросту лишат титулов и вычеркнут из императорского родословного древа.

Жалкая участь брата несколько не трогала Цзи Ло. Цзи Хуай всегда был лишь избалованным,

тепличным ребенком, не смыслящим в жестоких законах выживания. В своей прошлой жизни Цзи Ло сумел сокрушить его, находясь в куда более плачевном положении. Теперь же, когда все козыри были у него на руках, победа казалась предрешенной. И все же списывать соперника со счетов раньше времени он не собирался. Нынешний виток судьбы слишком сильно отличался от прежнего: в той жизни Цзи Хуай по крайней мере не докатился до явного предательства родины, пусть даже этот заговор и провалился, едва начавшись.

Судьба Чжоу Жаня и пятого принца ничуть не заботила Хан Сиэня. Тот факт, что заговорщики до сих пор дышали, объяснялся лишь одним: они не собирались по-настоящему открывать ворота варварам и резать собственный народ.

Презирая людские слабости и будучи глубоко равнодушным к чужим жизням, Сиэнь все же питал отвращение к подобной низости. Крохи уцелевшей совести уберегли этих двоих от немедленной расправы на месте, а дальнейшая их участь находилась целиком во власти монарха.

Цзи Ло посмотрел на безучастное лицо кузена и негромко спросил:

— Поговаривают, третий принц Сижун Хуань Лу тоже крутился у наших границ? В моей прошлой жизни об этом не было ни единого слуха.

Хан Сиэнь едва заметно кивнул. Глаза Цзи Ло хищно блеснули, губы скривились в холодной усмешке.

— Этот Хуань Лу — опасный соперник. Хитрый, изворотливый, способный затаиться, когда нужно, и безгранично честолубивый.

Наследник знал, о чем говорит. Через три года Сижун захлестнет кровавая междоусобица, победителем из которой выйдет именно Хуань Лу, забрав себе корону правителя.

Завладев престолом, коварный варвар ради укрепления собственных границ пойдет на хитрость — пришлет послов в Великую Чжоу и подпишет уступчивый на первый взгляд мирный договор, признав себя вассалом империи. О, как тогда ликовал императорский двор! Сановники вздохнули воспевали величие и добродетель государя, пред чьей божественной мощью дикари склонили головы.

Император, ослепленный лестью, упивался триумфом.

Но к моменту гибели Цзи Ло в его прежней жизни Сижун уже всю копил силы. Дань становилась все скуднее, а на рубежах то и дело вспыхивали кровавые стычки. Цзи Ло ни секунды не сомневался: выждав нужный момент, окрепший Хуань Лу не задумываясь двинет свои орды на Великую Чжоу.

Цзи Ло прищурился, и в его взгляде промелькнула яростная решимость.

«В этой жизни я заставлю его захлебнуться собственной кровью. Пускай попробует посягнуть хотя бы на пядь земли Сицзяна».

Невиданный доселе огонь властолюбия вспыхнул в его груди. Он желал самолично занять золотой трон, единолично вершить судьбы миллионов и претворить в жизнь свои великие замыслы, навсегда избавившись от опеки и чужого диктата.

Заметив, как лихорадочно блеснули глаза кузена, Хан Сиэнь ровным тоном поинтересовался:

— И когда же Его Высочество планирует пуститься в обратный путь?

— Через несколько дней, — отозвался тот, возвращаясь к реальности. — Сперва мне необходимо лично осмотреть наши лагеря в Сицзяне.

— Что ж. Мои сундуки давно уложены, я готов отбыть в любой момент, — безучастно подытожил наследник.

Стоявший позади них Бай Шу молча опустил голову, пряча в тени ресниц свои мысли и чувства.

<http://bllate.org/book/20088/2002094>